

Лу Ивэнь вышел заранее, рассчитывая время с запасом, однако на обратном пути удача от него отвернулась — он угодил в самый пик вечерних пробок.

Такси ползло со скоростью раненой черепахи. Каждые пять минут машина намертво застревала в потоке, и Лу Ивэнь, теряя терпение, то и дело поглядывал на часы. Понимая, что так он никуда не успеет, он расплатился, выскочил у ближайшей станции метро и решил добираться под землей, а оттуда бежать до клуба пешком.

Ливень и не думал утихать. Лу Ивэнь прорывался сквозь стену воды; дорожная грязь и сырость намертво въелись в одежду, смешавшись с запахом табачного дыма и спиртного. С каждым шагом его лицо становилось все мрачнее.

День определенно не задался.

\*\*\*

Пока менеджер преодолевал препятствия, в клубе подошло время выступления «Сияния Красок».

Обычно музыканты выходят на сцену в строгом порядке: сначала барабанщик, за ним басист, гитарист и, наконец, вокалист. Сюй Лань двигался следом за Лян Цянем. Но стоило тому переступить порог кулис и поприветствовать публику, как он резко затормозил и едва не сбил идущего следом Цзин Сяня.

— Мне... мне срочно нужно отойти. В туалет... — заикаясь, пробормотал Сюй Лань. — Вы идите, я сейчас... мигом...

Цзин Сян тут же преградил ему путь, схватив за плечи:

— Да ты издеваешься! Ты за последние десять минут бегал туда трижды. Какая еще уборная?

Он крепко сжал его плечи, не давая сбежать:

— Соберись. Ты лучший, ты всех порвешь, просто верь в себя. Давай, шагай вперед!

Сюй Лань жалобно пискнул, но деваться было некуда. Стиснув зубы, он поплелся на сцену.

Но едва парень оказался под светом прожекторов, как сотни оценивающих, равнодушных взглядов из зала лишили его способности думать. Голова опустела, а по телу пробежала мелкая дрожь.

— Что с басистом?

— Нервничает? Смотри, его аж трясет.

— Маловат он как-то. Ему хоть пятнадцать есть?

Цзин Сян, заметив неладное, подошел и ободряюще похлопал друга по спине. Это немного вернуло Сюй Ланю самообладание, но его лицо по-прежнему оставалось мертвенно-бледным. Он натянуто улыбнулся, уткнулся взглядом в гриф гитары и больше не смел смотреть на зрителей.

Цзянь Шэ вышел к микрофону и окинул взглядом зал. Под софитами в его светлых, похожих на самоцветы глазах вспыхнул завораживающий блеск.

Худшие опасения Лу Ивэня подтвердились: толпа заметно поредела. Уставшие зрители покинули первые ряды у ограждений, переместившись вглубь зала — многие просто постелили на пол куски картона или газеты и лениво болтали о своем.

Цзянь Шэ попытался отыскать в этой толпе знакомую фигуру, но Лу Ивэня нигде не было. На душе мгновенно потяжелело. Всякое желание шутить и заигрывать с публикой пропало.

Еще днем, когда Лу Ивэнь спешно уехал, Цзянь Шэ почувствовал укол разочарования. Каждая минута ожидания тянулась мучительно долго, отравляя душу тревогой. И вот концерт начался, а менеджера все еще нет.

«Наверное, он уже не придет...» — тоскливо подумал он.

Несколько девушек у сцены, очарованные эффектной внешностью вокалиста, собирались было громко поддержать его, но натолкнувшись на холодный, отрешенный взгляд, осеклись. Их восторженный порыв сменился тихим шепотом.

Атмосфера в зале неумолимо остывала.

Для любого концерта такое затишье — смертный приговор, тем более что «Сияние Красок» закрывали вечер. Энергия толпы иссякла, терпение было на пределе, и люди начали расходиться.

Первыми в сет-листе шли популярные сейчас хиты, разбавленные парой классических треков группы «Ан Дё». Лу Ивэнь планировал сыграть на известности именитых коллег, чтобы привлечь внимание к ребятам. Но чистый, парящий вокал Цзянь Шэ совершенно не вязался с хриплым, надрывным стилем Сун Хэ. Песни звучали красиво, но им отчаянно не хватало той тяжести и надрывного трагизма, к которым привыкли фанаты.

Искушенные слушатели быстро раскусили нестыковку. Те, кто пришел ради каверов «Ан Дё», потянулись к выходу.

Видя, как тает аудитория, Цзянь Шэ оставался безучастным, не в силах выдавить из себя искру драйва. Зато Цзин Сян места себе не находил от беспокойства — ведь на балконе второго этажа за ним наблюдала сестра, Цзин Цзе. Ему так хотелось показать себя с лучшей стороны!

Наконец череда каверов закончилась, и Цзянь Шэ перешел к собственному материалу.

После «Весенней песни» и «Летней любви» зал немного оживился, но тут же посыпались придирчивые комментарии:

— Слушай, а эти две ничего так. Сами написали?

— Мелодия хорошая, но тебе не кажется, что с инструментами лажа какая-то?

— Барабаны плоские, гитара визжит.

— Да и басист, по-моему, мимо нот лупит.

Та самая девушка, что поначалу заглядывалась на вокалиста, разочарованно протянула подруге:

— Голос у парня красивый, но инструменты его просто глушат.

— Да и поет как-то без души, — поддакнул кто-то рядом.

Из-за грохота аппаратуры музыканты не слышали этих разговоров, но Сюй Лань видел, как люди внизу переглядываются и качают головами. Перед глазами все поплыло. Реальность дала трещину, и сквозь нее прорвалось воспоминание из его первого года в старшей школе.

Тот душный, изнуряющий летний день. Оглушительный стрекот цикад, палящее солнце. Классный руководитель мертвой хваткой вцепился в его воротник и выволок на глазах у всей школы. Крупные капли катились по лицу — пот мешался со слезами, а сам он стоял, бессильный и сломленный, словно увядший лист.

Его силой затащили на трибуну. Толпа внизу мгновенно взорвалась гулом. Одиночные смешки и шепотки переросли в лавину обвинений. Все тыкали в него пальцами. В глазах окружающих читалось потрясение, недоверие, жалость, злость и...

Глубокое, непреодолимое отвращение.

Сюй Лань прищурился. Прошрое наложилося на настоящее. Емy казалось, что сейчас все эти люди в клубе смотрят на него с той же жгучей ненавистью. Эта ненависть расползалась ядом, закручивалась вокруг него гигантской воронкой, готовой разорвать на куски, сожрать без остатка.

Вдруг весь мир резко отступил, словно отлив, унося с собой звуки, краски и лица.

В глазах потемнело, и парень рухнул на сцену без чувств.

\*\*\*

Когда Сюй Лань открыл глаза, кошмар остался позади.

Он лежал на диване в гримерке клуба. Атмосфера была тяжелой; остальные группы уже разъехались, и в просторной комнате стояла гнетущая тишина.

Лу Ивэнь сидел неподалеку. Похоже, он только что прибежал: с мокрых волос капала вода, куртка потемнела от влаги. Выглядел он растрепанным и слегка уставшим, но один его вид подействовал на Сюй Ланя как успокоительное.

Менеджер стоял у кулера, наливая воду. Услышав шорох, он не оборачиваясь негромко спросил:

— Очнулся?

— Да... я... — Сюй Лань сжался, дрожа от стыда. — Господин Лу, а как же выступление? Все... все кончено?

Неужели из-за его слабости они с треском провалились?

Слова Лу Ивэня успокоили его:

— Все в порядке, лайв продолжается. Мы просто объявили антракт, я попросил ребят сделать паузу.

— Слава богу... — Сюй Лань забился в угол дивана. Если бы лайв сорвался по его вине, он бы этого себе не простил.

— Ты отлично держался, — Лу Ивэнь протянул ему стакан с теплой водой. — Я хоть и опоздал к началу, но Цзин Сян рассказал, как усердно ты занимался. Сегодня ты играл даже лучше, чем на репетициях.

— Ну что вы... — Сюй Лань едва сдерживал слезы. — Я же подвел всех... Ничем не помог, только проблем добавил.

— Глупости, — мягко прервал его Лу Ивэнь. — Ты сделал все, что было в твоих силах. Не у всех все получается с первого раза. В следующей части ты на сцену не выйдешь, посиди здесь, отдохни.

Он намеренно не стал расспрашивать о панической атаке, щадя чувства парня и давая ему время прийти в себя.

Сюй Лань оценил эту деликатность, и у него защипало в носу.

— Эй-эй, только не реви, ладно? — запричитал Цзин Сян. — Нам еще на сцену выходить, не сбивай настрой!

Сюй Лань шмыгнул носом:

— Вы... вы продолжите играть?

— В баскетбол играл когда-нибудь? — улыбнулся Лу Ивэнь. — Если в первом периоде пропустили мяч, во втором нужно отыгаться. Только тактику мы сменим. Я уже поговорил с боссом У. Они включат для вас все доступные световые спецэффекты, а звукорежиссер перенастроит пульты.

Сюй Лань растерялся:

— Но как же... ведь без баса нельзя...

— Бас нам не понадобится. И сложных барабанных партий тоже не будет, — Лу Ивэнь подошел к углу комнаты и отдернул плотную занавеску, за которой скрывался двухмануальный клавишный синтезатор. — Цзянь Шэ сыграет на этом. А Цзин Сян возьмет акустику. Мы устроим акустический лайв.

— Акустику?!

— Все оставшиеся песни — лирические, так что без подключения они прозвучат даже выигрышнее, — подал голос Цзянь Шэ. — И глушить вокал больше ничего не будет. Отличная идея, Брат Лу.

— Решение спонтанное, — Лу Ивэнь задернул штору и посмотрел на Цзянь Шэ. — Справишься? Вся надежда на тебя.

Цзянь Шэ замер. Впервые Лу Ивэнь смотрел на него с такой верой и затаенной надеждой, и это доверие отозвалось в сердце приятной дрожью.

— Посмотрим... — протянул он.

Видя его нерешительность, Лу Ивэнь с улыбкой добавил:

— Если сегодня все пройдет гладко, я исполню любое твое желание. Идет?

Он мягко улыбался, стараясь подбодрить парня.

От этой улыбки Цзянь Шэ словно провалился в облако сладкой ваты — в груди разлилось тепло, а воздух вокруг показался приторно-сладким. Он поспешно отвел глаза и тихо буркнул:

— Ладно.

«Все равно эти песни написаны для тебя. Какую версию захочешь, ту и сыграю» — подумал он, но вслух ничего не сказал.

Молча наблюдавший за этой сценой Лян Цянь удивленно приподнял бровь, заметив перемену в лице вокалиста.

В этот момент в дверь постучали работники сцены — пора было переносить инструменты и готовиться к выходу.

Лу Ивэнь поблагодарил персонал и вместе с музыкантами направился к выходу из гримерки.

<http://bllate.org/book/18237/1752257>